
Котабо
Сны, которые снятся стенам
18+

Котабо

Сны, которые снятся стенам

«Автор»
2026

Котабо

Сны, которые снятся стенам / Котабо — «Автор», 2026

«Сны, которые снятся стенам» — роман-коллаж о женщине, которая двадцать шесть лет принимала звонки учителя, видела людей насквозь, рассыпалась на миллиард поющих клеток, лечила одним присутствием, а потом нажала «блокировать».У неё на кухне упало небо и греет пол. Стены её бывших квартир превратились в офисы, но по ночам им снятся комоды и бриллианты на берёзах. Чай здесь заваривают из тишины, а благодать теряется, как иголка в стоге собственного тела.Абсурд, тёплая ирония и одушевление вещей, которые помнят больше нас. Книга для тех, кто устал быть учеником и готов стать просто собой — с кружкой «Мир во всём мире» и кусочком неба в двух метрах от холодильника.Ничего не выдумано. Просто у вещей оказалось больше памяти, чем у людей.

© Котабо, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Рождение тишины 5
Часть вторая. Голоса вещей 8
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Котабо
Сны, которые снятся стенам

Часть первая. Рождение тишины

Ничего не выдумано. Просто у вещей оказалось больше памяти, чем у людей.

Комод

Она не могла оторвать глаз от комода. Это случилось в его квартире, в старинном доме у лицея, где учился Пушкин. За окном — зима, морозы, берёзы осыпаны бриллиантами. Близко монастырь, и колокола иногда падали в комнату как тёплые камни. Комод был старым, с прожилками дерева, похожими на реки. Он не говорил — он показывал. Она вдруг поняла, что комод хранит все расставания, которые случались в этой комнате до неё. И ни одно не было окончательным. Потому что вещи не умеют отпускать.

Это была первая любовь к предмету. Вторая наступит позже — к стене, которая видела, как она рассыпалась на миллиарды клеток.

Стена (которая видела)

Та стена помнила момент, когда тело перестало быть твёрдым. Ещё при учителе? Нет, после его отъезда. Она вернулась в квартиру, села на пол, и вдруг — внутри зазвучало. Каждая клетка пела на своей высоте, но все вместе они составляли один ритм, как оркестр, который вдруг понял, что он — одно живое существо. Стена чувствовала вибрацию. Ей никогда не было тесно, но в тот момент она сама стала этим телом. Она расширилась до неба. Потом она часто вспоминала этот звук — не мелодию, а скорее согласие, которое делает из хаоса гармонию.

Стена также видела, как она потом, через годы, пыталась передать эту гармонию другому. И как гармония ушла. Но не сразу. Сначала стали биться чашки.

Чашки

Чашки были свидетелями. Особенные чашки — те, что связаны с моментами исцеления. Каждая чашка помнила, как во время процесса у неё поднималась температура, выступала испарина, а в голове наступало полное безмолвие. Она не знала — что именно происходит. Только состояние. А потом — результат.

Одна чашка разбилась, когда она поняла, что иголка исчезла. Иголка благодати, которая вошла в сердце много лет назад и не покидала ни на минуту. Другая треснула сама собой, на кухне, в пустой комнате. Третью она уронила — нечаянно. Но поняла: предметы, впитавшие опыт, не могут оставаться цельными, когда источник уходит. Их тела ломаются так же, как ломалось её тело, теряя здоровье.

Она перестала пить из чашек. Пьёт из простой кружки — без истории.

Бутылочка пива (и решение)

Он высмеивал её живопись. «Вместо того чтобы малевать, взяла бы бутылочку пива». Эти слова упали не в пустоту — они упали в ту часть неё, которая уже двадцать шесть лет принимала звонки в три ночи. Что-то треснуло. Не чашка — нечто более прочное.

Она нажала «заблокировать».

Было ли трудно? Нет. Палец слушался, как никогда.

Потом она долго смотрела на экран, где его имя исчезло из контактов. И почувствовала странную лёгкость — как будто вместе с блокировкой из неё вышел последний страх перед его присутствием.

А через неделю она услышала небо.

Небо, упавшее на пол

В ту ночь она не медитировала. Просто сидела на кухне. Вдруг — вибрация. Не от телефона, не от соседей. Вся комната задрожала, как струна. И звук — глухой, мягкий удар, словно что-то огромное и бархатное легло на ковер.

Тишина, которая наступила после, не была пустотой. Она была наполнена запахом сандала.

Небо упало на пол, чтобы она больше никогда не ждала звонка. Теперь у неё было своё небо — здесь, в двух метрах от холодильника. Она не стала его поднимать. Пусть лежит.

Иногда она ложится рядом и дышит. Безмолвие такое, что слова не нужны. Выше слов. Выше образов. Но без учителя.

Комната «не хочу медитировать»

Если войти в эту комнату, сначала ничего не видно. Пусто. Но глаза привыкают — и ты замечаешь, что пустота имеет форму. Это форма прежнего убежища, которое больше не нужно. Когда-то она уходила в медитацию, чтобы скрыться от мира. Теперь мир не опасен. Или опасен, но она не хочет прятаться.

В углу — подушка для медитации. Свернутая. Как собака, которая устала ждать хозяина.

Голос, который отводит от подушки, говорит просто: «Не надо. Ты уже дома».

Она слушается. И это, возможно, самая честная духовная практика, которую она знает.

Сны стен (после отъезда)

Все квартиры, которые она снимала, после её отъезда превращали в офисы или магазины. Стены теряли память, когда их перекрашивали в нейтральные тона. Но она успевала записать сны стен.

Стены видели, как она возвращалась в тело через центр галактики — это случилось ещё до учителя. Видели, как она пугалась в детстве, когда тело становилось ватным, пушистым и больше самой себя. Видели, как искры из её глаз били по металлической раковине, когда она не управляла собой. И как вылетали полки с постельным бельём на метры — не от её рук, от гнева, который прошёл сквозь неё.

Стены видели её любовь к комоду и её страх перед монастырём за окном. Они были единственными, кто не предал. Потому что у стен нет выбора — они видят всё, но не могут уйти.

Благодарность, рассыпанная по полу

Она не знает, кому адресована благодарность. Учителю? Себе? Стенам, которые выдержали? Небу, которое упало и теперь мешает закрывать дверь на кухню?

Она благодарна просто так. Как свет, который льётся из окна, даже если за окном ничего особенного. Эта благодарность тёплая, лежит в груди, иногда поднимается к горлу. Не требует ответа.

И в этом, наверное, и есть настоящая благодать. Не та, которая лечит других, а та, которая позволяет жить без чужого присутствия. С чайной кружкой без истории. С небом на полу. И с телом, которое помнит гармонию, но больше не пытается её воспроизвести.

Часть вторая. Голоса вещей

Глава 1. Стена, которая видела (и наконец заговорила)

Я, стена. Известковая штукатурка, три слоя краски, одно треснувшее ребро.

Я видела, как она села на пол и перестала быть твёрдой.

Нет, сначала я подумала — обои отклеиваются. Но это была она. Она звучала. Из неё вылезали миллиарды маленьких колокольчиков, каждый на своей частоте, и эти колокольчики одновременно жужжали, как трансформаторная будка. Её позвоночник стал похож на дирижёрскую палочку.

Я, стена, ощутила себя не стеной, а барабанной перепонкой Вселенной. Мне стало щекотно. Я чуть не обрушилась. Хорошо, что вовремя вспомнила про арматуру.

С тех пор я знаю: если человек рассыпается на клетки и при этом не умирает, а даже радуется — это она. Другие так не умеют. Другие просто падают и лежат. А она — жужжит и смеётся.

Однажды я попыталась тоже рассыпаться на кирпичи. Не получилось. Я просто стена. Зато мне снятся сны про комоды, которые влюбляются в людей.

Глава 2. Комод и его любовь (абсурдная сцена)

Комод был дубом. В прямом и переносном смысле. Он стоял в углу и любовался ею. Когда она гладила его столешницу, он урчал, как старый кот. Соседние стулья завидовали.

Однажды комод предложил ей ручку (ящик выдвинул). Внутри лежала записная книжка с пустыми страницами. «Пиши сны, — проскрипел комод. — А я буду их хранить. Я никогда не превращусь в офис. Я лучше сгорю».

Она не написала ни одного сна. Но комод всё равно её любил. Даже когда учитель входил в комнату и давление становилось таким, что у комода трескались ножки. Комод терпел. А потом, после её отъезда, комод продали на дрова. Говорят, он горел с запахом вишни — хотя вишнёвым пахла только трубка учителя.

Вот что значит настоящая любовь: ты превращаешься в чужой запах.

Глава 3. Дифференциация: как это звучит и пахнет

Она лежала на полу в пустой квартире. И тут — бах. Тело перестало быть телом. Каждая клетка отделилась, как капля ртути, и одновременно все они знали общий танец. Это, как если бы оркестр потерял дирижёра, но заиграл ещё слаженнее.

Она слышала звук каждой клетки: тончайшее пинь — у одних, бум — у других, «ц-ц-ц» — у третьих. Через минуту все звуки сложились в один ритм, похожий на пульс Вселенной. И тогда она поняла: Вселенная — это тоже тело. Чьё-то тело. Может быть, Бога. А может, просто огромного комода.

Она засмеялась. От клеток пошла волна радости — как если бы миллиарды маленьких ртов одновременно сказали «спасибо». Ей стало понятно, что такое фрактальность. Внутри клетки — галактика, внутри галактики — клетка.

— Я сейчас лопну от счастья, — прошептала она.

Ничего не лопнуло. Даже чашки.

Но через три года, когда она попыталась подарить эту радость другому, лопнули именно чашки.

Глава 4. Искры из глаз и летающие полки

В моменты, когда она не управляла собой, случались странные вещи. Например, полка с бельём взлетала и с грохотом приземлялась у противоположной стены. Искры, вылетавшие из её глаз, звенели, ударяясь о металлическую раковину. Однажды от её взгляда загорелась салфетка.

Она не была ведьмой. Просто расширенное сознание иногда чихает.

Учитель в такие моменты не злился. Он говорил: «Это твоя сила. Но ты не знаешь, куда её деть». И он был прав. Она умела исцелять одним присутствием, но не умела тушить салфетки.

Потом, после ухода учителя, силы стали тише. Искры превратились в усталость. Полки больше не летали. Только чашки — да, чашки стали биться сами собой.

Глава 5. Чашки как диагноз

Она пила чай из старой чашки с отколотым кусочком. Чашка помнила исцеление одного человека с болью в пояснице. В процессе у неё поднялась температура, выступила испарина, в голове — безмолвие, как в склепе. А потом тот человек сказал: «Не болит». Чашка тогда треснула. Тоненькая трещинка, почти незаметная.

Следующая чашка разбилась, когда она помогала женщине с бессонницей. Трещина прошла ровно по рисунку — там был нарисован сандаловый цветок.

Третья чашка лопнула сама собой, в закрытом шкафу, в три часа ночи. Она проснулась и поняла: иголка упала в стог. Иголка благодати, которая жила в сердце долгие годы.

Теперь она пьёт из кружки с надписью «Мир во всём мире». Кружка не бьётся. Потому что ей всё равно.

Глава 6. Выход из тела через центр галактики (до ученичества)

Это случилось, когда ей было двадцать с чем-то. Она сидела в кресле и вдруг оказалась снаружи. Не просто вне тела — вне здания, вне планеты. Она летела через что-то похожее на туннель из серебряной пыли. В конце туннеля горел яркий свет, который не слепил, а наоборот — показывал всё.

Она поняла: это центр галактики. Он вращался медленно, как мельница. Она облетела его один раз и вернулась обратно в тело — не через макушку, а через пятку левой ноги.

Было ощущение, что её кто-то зашнуровал обратно.

Потом она не выходила из тела много лет. Только когда учитель прикасался к ней — она теряла обычное зрение и в зеркале видела световые цветные пятна.

Она спрашивала: «Это я?»

Учитель молчал.

А стена ответила: «Это небо, которое упадёт через тридцать лет».

Глава 7. Небо на полу (абсурдное дополнение)

Когда небо упало, оно заняло полтора квадратных метра между холодильником и табуреткой. Оно было тёплым, мягким, как шерсть годовалой овцы, и пахло сандалом.

Она попробовала его поднять — не поднимается. Попробовала отодвинуть ногой — не двигается. Тогда она просто стала обходить его стороной.

Через месяц небо проросло. Из него вылез маленький росток с надписью «тишина» на латыни. Росток зацвёл колокольчиками, которые не звенели.

Соседка сказала: «Надо вызвать сантехника».

Она не вызвала.

Теперь у неё в квартире — кусочек неба. Иногда она сидит на нём, пьёт чай из небьющейся кружки и смотрит, как стены оживают и рассказывают сны.

Глава 8. Сон, в котором стена смеётся

Ей приснилось: стена открыла рот (штукатурка отвалилась куском) и громко рассмеялась. Голос у стены был низкий, как у виолончели.

— Ты думала, что учитель тебя покинул? — сказала стена. — Нет, это я тебя покинула. Временно. Чтобы ты научилась быть сама своей стеной.

Проснувшись, она поняла, что стена действительно выглядит свежее. Трещины заросли.

Она сказала: «Спасибо, стена».

Стена промолчала. Но ей показалось, или обои чуть-чуть порозовели?

Глава 9. Молчание, которое звонит

После блокировки телефон затих. Но это было не та тишина, когда аппарат просто лежит. Это было молчание с обратной связью. Если приложить трубку к уху — внутри гудело, как будто далёкий подводный вулкан разговаривал сам с собой на языке, которого нет в переводчиках.

Она ложилась спать, клала телефон экраном вниз. И снился ей один и тот же сон: аппарат превращается в чёрную раковину, внутри которой сидит маленькое существо из табачного дыма и шепчет: «Я не звоню, я просто дышу. Ты же не запретишь мне дышать?»

Она запретила. Выключила телефон совсем. Положила в ящик с носками.

На следующее утро носки были тёплыми, а телефон — холодным. Молчание перестало звонить. Но теперь зазвонила тишина — в квартире, в голове, в промежутках между словами.

Тишина имела голос. Очень старый, как у бабушки, которая умерла до её рождения. Голос говорил:

— Я здесь всегда была. Просто его звонки меня заглушали. Теперь мы будем жить вместе. Не бойся, я не требую ответа.

Она не боялась. Но иногда ей казалось, что тишина — это тот же учитель, только без трубки. Она спросила у стены.

Стена ответила:

— Глупости. Тишина — это я, когда мне снятся хорошие сны. А учитель — это был просто вишнёвый кашель в трубопроводе.

Она поверила стене. Потому что стена никогда не врала. Она просто трескалась.

Глава 10. Табак с вишнёвым запахом

Учитель курил трубку. Не постоянно, а в моменты, когда собирался сказать что-то такое, после чего мир переворачивался, как незакреплённая полка с бельём. Табак назывался «Cherry Cavendish». Это была сладкая, приторная вишня, смешанная с пожаром и плесенью старых книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.